Динамизм и стабильность судебной практики

ПУДОВОЧКИН Юрий Евгеньевич, заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор
Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: 11081975@list.ru

БАБАЕВ Михаил Матвеевич, главный научный сотрудник отдела уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: babaevmm@yandex.ru

Правовая определенность — значимый принцип и идеал современного уголовного права. При разрешении уголовных дел суд в достижении правовой определенности выполняет особую роль, с одной стороны, соблюдая стабильность судебной практики в условиях меняющегося законодательства, а с другой — обеспечивая адекватность судебной практики меняющимся социальным условиям при неизменности уголовного закона. Сочетание стабильности и динамизма судебной практики выступает одной из существенных характеристик деятельности суда в части реализации им уголовной политики страны. При этом в свете требований правовой определенности динамика судебной практики в ответ на колебания уголовно-политического курса приобретает особое звучание и обоснованно претендует на статус самостоятельного предмета научного анализа.

Задачи исследования: на основе изучения трансформаций правотолковательной позиции высшей судебной инстанции страны показать причины, содержание, формы проявления, последствия и условия допустимости динамики судебной практики в ситуациях, с одной стороны, трансформации и, с другой — стабильного существования уголовного закона, и на этой основе выявить пределы, за которыми оправданная динамика правоприменительной практики независимого суда превращается в манипулируемую и уголовно-политически ангажируемую деятельность.

При проведении исследования использованы традиционные методы социально-правового и уголовно-политического анализа: документальный, аналитический, прогностический, догматический, историко-правовой.

По результатам исследования предложено рассматривать динамизм правотолковательной позиции при неизменности уголовного закона предметом пристального наблюдения и специального анализа. Доказано, что такая динамика допустима лишь в случае, когда она выступает средством решения накопившихся правоприменительных проблем и направлена на преодоление недостаточной эффективности исторически сложившихся подходов к их разрешению. Соответственно, предложено считать недопустимым для независимого суда менять устоявшуюся практику только по причине необходимости участия суда как государственного органа в той или иной уголовно-политической программе, реализуемой государством.

Ключевые слова: уголовная политика, правовая определенность, суд как субъект уголовной политики, судебное толкование закона, стабильность судебной практики, прогноз динамики судебной практики.

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Динамизм и стабильность судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 56—64. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.5

Dynamism and Stability of Judicial Practice

Yu. E. PUDOVCHIN, Russian State University of Justice, Moscow 117418, Russian Federation
E-mail: 11081975@list.ru

M. M. BABAEV, Russian State University of Justice, Moscow 117418, Russian Federation
E-mail: babaevmm@yandex.ru

The legal certainty — is a significant principle and the ideal of modern criminal law. In the process of ruling criminal cases, court plays a specific role in accomplishment of legal certainty — on the one hand, abiding stability of judicial practice under changing legislation, on the other hand — ensuring adequacy of judicial practice to changing social environment under permanency of criminal law. The conjunction of stability and dynamism of judicial practice stands out as one of the essential characteristics of court's activities in terms of its implementation of state criminal policy. At the same time, in the light of requirements of legal certainty, the dynamics of judicial practice in response to fluctuation in the criminal political course acquires a special meaning and validly claims the status of an independent subject of scientific analysis.

The authors' research tasks are to show the causes, content, forms of manifestation, consequences and conditions of admissibility of judicial practice's dynamics in situations, on the hand, of transformation and, on the other hand, stable existence of criminal law on the ground of study of transformations of interpretive positions of the highest court of the state; and on this basis identify the borderline, beyond which justifiable dynamics of court's law enforcement practice turns into manipulated and politically biased activity.

In carrying out the study, traditional methods of socio-legal and criminal-political analysis were used: a documentary, analytical, prognostic, dogmatic and historical-legal.

According to the results of the study, it is proposed to consider the dynamism of the interpretive positions under criminal law permanency as a subject of close observation and special analysis. It is proved that such dynamics are permissible only when they act as a means of solving accumulated law enforcement issues and are aimed to overcome the lack of effectiveness of prior approaches to their resolution. Respectively, it is also proposed to consider inadmissible for an independent court to change the established practice only because of the need for court to participate as a state body in a particular criminal political program implemented by the state.

Keywords: criminal policy, legal certainty, court as a subject of criminal policy, judicial interpretation of a law, stability of judicial practice, forecast of judicial practice's dynamics.

For citation: Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Dynamism and Stability of Judicial Practice. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 7, pp. 56—64. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.7.5

Одним из главных направлений современной российской уголовной политики без преувеличения можно назвать обеспечение определенности нормативного регулирования уголовно-правовых отношений. Пожалуй, впервые в отечественном правовом пространстве критерий определенности правовой нормы как конституционное требование к законодателю был сформулирован в постановлении КС РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П. В последующем содержание этого принципа многократно уточнялось и развивалось¹.

При этом интерпретация правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет констатировать, что определенность уголовно-правового регулирования: во-первых, предполагает вполне отчетливые требования не только к настоящему, но и к будущему этого процесса (понятность и прогнозируемость); во-вторых, защищая интересы личности и правопорядка, правовая определенность обращена ко всем субъектам право-творческого и правоприменительного процесса (прежде всего к парламенту и суду).

¹ См. постановления КС РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П,

от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 16 июля 2018 г. № 32-П, от 10 июля 2018 г. № 30-П.

В рамках настоящей публикации оставим в стороне ту часть требований правовой определенности, которая адресована парламенту, и обратимся к логической связке «правовая определенность и суд».

Заметим, что этот вектор анализа предполагает множество относительно самостоятельных тем и направлений для научного исследования. Одно из наиболее популярных связано с соблюдением требования стабильности окончательных судебных решений, что составляет важный компонент предмета уголовно-процессуальных исследований². Другой вектор анализа — обеспечение правовой определенности уголовного закона в проверочной практике Конституционного Суда РФ³. Это относительно хорошо изученные темы. Но на общем фоне внимания к проблеме гораздо менее обсуждаема связка «Верховный Суд РФ и определенность уголовного закона», которая в другой интерпретации может быть представлена как «определенность правоприменительной практики». Вместе с тем она представляет самостоятельный интерес, который далеко не в полной мере удовлетворен текущими уголовно-правовыми исследованиями.

В содержательном плане определенность правоприменительной практики предполагает обсуждение как минимум следующих проблемных ситуаций: стабильность и динамика судебной практики; прогнозируемые и непрогнозируемые изменения судебной практики; собственная эволюция судебной практики и ее динамика под воздействием внешних, прежде всего политических, причин.

² См., например: *Дикарев И. С.* Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград, 2015.

³ См., например: *Алаторцев А. Ю.* Правовая определенность уголовно-правового запрета: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Все эти и, возможно, иные ситуации тесным образом взаимосвязаны. В совокупности они обуславливают постановку следующей комплексной проблемы, актуализирующей подготовку настоящей публикации: может ли в принципе, должна ли, и если да, то в каких пределах, изменяться судебная практика в ответ на колебания уголовно-политического курса страны.

Правовая определенность в сфере уголовного права предполагает стабильность судебной практики. При этом совершенно очевидно: стабильность не означает тотального однообразия, что в данном случае равносильно косности и отсутствию потенциала к изменениям. Судебная практика может и должна меняться. Однако лишь те изменения не будут подрывать начал стабильности и определенности, которые являются прогнозируемыми и ожидаемыми. Адресаты уголовно-правового запрета должны быть убеждены в том, что сложившееся сегодня в судах понимание известных им уголовно-правовых норм и особенности их применения не будут завтра произвольно изменены. Либо же изменение, причем не любое, а вполне конкретное, определенное, подготовленное нарастанием неких трудно-преодолимых проблем применения закона, должно ими мыслиться как реально возможное, ожидаемое, закономерное, как изменение, к которому адресаты норм уже внутренне готовы или подготовлены извне.

Изменение судебной практики может быть обусловлено двумя факторами. Во-первых, и это очевидно, оно может выступать следствием изменения уголовного закона. Значительное сокращение удельного веса условно осужденных лиц за счет активации наказаний, не связанных с лишением свободы; рост объемов освобождения от ответственности в связи с назначением судебного штрафа после введения соответствующего института в УК РФ; связанные с изменением норматив-

ных положений закона изменения в оценке величины ущерба и размера причиненного вреда от хищений или иных преступлений — все эти и подобные им изменения являются «вторичными», имеют вполне ощутимую причину, а потому их оценка не может рассматриваться как часть анализа проблемы динамики собственно судебной практики.

Гораздо острее вопросы динамики и стабильности встают в случаях, когда судебная практика меняется без предварительного изменения уголовного законодательства. В этом случае в основе изменения судебной практики лежит изменение официального судебного толкования той или иной уголовно-правовой нормы. Примеров изменения, модификации судебных подходов к разрешению уголовно-правовых ситуаций достаточно много. И вполне закономерно, что по своему социально-политическому содержанию, источникам, последствиям и оценкам они порой существенно различаются. Некоторые из них связаны с либерализацией и минимизацией репрессии, другие — с ужесточением существующего подхода к разрешению уголовно-правовых конфликтов, третьи, будучи продиктованными соображениями прагматизма и необходимостью восполнения недостатков и пробелов нормативного регулирования, вовсе не могут быть оценены с позиций дихотомии «гуманизм — репрессивность».

Внимательный анализ показывает, что эти судебные решения могут быть условно, но вполне отчетливо, сгруппированы в два кластера.

Первая группа — это прецеденты и акты толкования, которые обусловлены необходимостью решения насущных задач правовой охраны, которые по тем или иным причинам либо не решены на законодательном уровне, либо решены неполно или неудовлетворительно. Такие судебные решения (надо признать, что их крайне немного) можно

назвать итогом «собственной эволюции» судебной практики. В них нет места политической ангажированности, сиюминутным откликам на колебания социальной реальности или чего-либо иного, что могло бы получить положительную или негативную уголовно-политическую оценку. Здесь жесткий прагматизм, связанный с решением прикладной правовой задачи. С правовой позиции такие решения могут, безусловно, критиковаться с точки зрения как их содержания, так и допустимости судебного прецедента в принципе, но в любом случае это решения, не имеющие под собой уголовно-политического подтекста.

Например:

именно в судебной практике, в отсутствие прямых указаний закона, в свое время были выработаны представления о задержании преступника, об исполнении приказа и о риске как обстоятельствах, исключающих преступность деяния;

судебная практика выработала правило назначения вида исправительного учреждения мужчинам, ранее отбывавшим лишение свободы и вновь осужденным за совершение тяжкого преступления;

при рассмотрении конкретных уголовных дел был определен ставший общим правилом момент окончания хищения, правовая оценка действий лиц, которые на месте и во время совершения хищения выполняют «сигнальные» функции.

Вторую группу образуют судебные решения, которые отражают колебания судебной практики, не обусловленные изменением уголовного закона, но вызванные к жизни внешними, уголовно-политическими по своему содержанию факторами и обстоятельствами. В этом же ряду располагаются изменения, связанные с колебаниями наказательной практики в сторону ужесточения или смягчения мер воздействия в отношении тех или иных преступлений. Все они наглядно демонстрируют, как можно путем изменения

одной лишь практики применения закона решать уголовно-политические задачи.

Наиболее показательные иллюстрации:

незаконное предпринимательство, определенное время квалифицируемое по совокупности с уклонением от уплаты налогов, с 2004 г. стало поглощать собой суммы неуплаченных налогов и квалифицироваться по одной статье уголовного закона (п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»);

сбыт наркотического средства, совершаемый виновным в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, ранее расцениваемый как покушение на преступление, с недавнего времени квалифицируется как оконченное преступление (п. 13¹ постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»);

посредничество в сбыте — приобретении наркотических средств, ранее квалифицируемое как пособничество в преступлении, теперь квалифицируется как соисполнительство в группе лиц по предварительномуговору (п. 15¹ названного постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14);

получение части суммы предмета взятки от оговоренного крупного размера, ранее квалифицируемое как покушение на получение взятки в крупном размере, теперь квалифицируется как оконченное преступление, совершенное в крупном размере (п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).

При желании можно найти еще примеры, когда без изменения уголовного закона судебная практика

менялась коренным образом за счет изменения подхода высшей судебной инстанции к толкованию тех или иных признаков составов преступлений и правил квалификации преступлений. Однако и представленных достаточно в качестве как иллюстрации поставленной проблемы, так и эмпирического материала для специального правового и политологического анализа. И, в частности, для поиска ответа на вопрос, насколько правомерны «опыты» корректировки судебной практики вне изменения уголовного закона в ответ на те или иные политические программы.

Поиск ответа на этот вопрос непосредственно связан со статусом суда в качестве субъекта уголовной политики государства. Разрабатывая содержательные компоненты уголовной политики и составляя приоритеты в ее реализации, парламент, правительство и президент утверждают некие законы, концепции, стратегии, планы, посвященные противодействию отдельным видам преступности, которые далеко не всегда связаны с внесением изменений непосредственно в уголовный закон. В их осуществлении участвуют все органы власти и управления.

С одной стороны, суд, будучи одним из конституционно установленных органов власти, обязан своими силами и на своем фронте принимать участие в реализации основных направлений государственной политики. Но, с другой стороны, суд есть орган правоприменения и разрешения правовых споров. Он — беспристрастный арбитр, не вовлеченный в правовой конфликт и не заинтересованный в его исходе. А потому как только суд начинает выполнять задачи уголовной политики, где нет изменения уголовного закона, он рискует утратить качество беспристрастности и объективности. Причем в силу своей природы, как орган именно государственной власти, в формировании

которого решающая роль принадлежит Президенту страны, суд не может дистанцироваться от решаемых государством политических задач.

При таком подходе возникают риски того, что судебная практика утратит представления о законе как о единственном источнике своей власти, может стать менее стабильной, более подвижной и подверженной внешним влияниям. Более того, в таких условиях потребность в качественном, определенном законе отходит на второй и даже третий план, поскольку именно некачественный с точки зрения принципа правовой определенности закон становится хорошим инструментом оказания политического давления на суд и управления судебной практикой в политических интересах.

К оценке подобного рода динамики судебной практики стоит подходить весьма осторожно, учитывая как минимум два значимых обстоятельства.

Первое — прогнозируемость судебных решений; являются ли изменения судебной практики предсказуемыми и ожидаемыми и в силу этих своих качеств способствующими развитию права или же они отражают недопустимое манипулирование правом, его политическую мотивированную дестабилизацию в ущерб стабильности и правовой определенности.

Второе — это роль суда в современном обществе и в современной модели противостояния преступности. Является ли суд слепым (как Фемида) исполнителем закона или же это орган справедливого разрешения конфликта, обеспечения и поддержания справедливости, который открыто взирает на широкий социальный контекст той или иной конкретной правовой ситуации.

По поводу первой проблемы вполне определенные суждения высказал Европейский суд по правам человека в постановлении *C. R. v. the United Kingdom* (2 ноября 1995 г., § 34). Он указал, что всегда будет су-

ществовать необходимость прояснения вызывающих сомнение моментов и адаптации закона к измененным обстоятельствам. Прогрессивное развитие уголовного права посредством судебного нормотворчества является глубоко укоренившейся и необходимой частью правовой традиции, а потому Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод не может толковаться как запрещающая постепенное разъяснение правил уголовной ответственности посредством судебного толкования от дела к делу при условии, что итоговое развитие совместимо с существом преступления и может разумно предвидеться.

Исходя из этого ЕСПЧ не признал нарушением положений Конвенции ситуацию, в которой посредством развития судебной практики было отменено бытовавшее в английском общем праве правило о безответственности мужа за изнасилование жены; но в то же время признал недопустимой с точки зрения соблюдения прав человека ситуацию, в которой сотрудники частного банка были осуждены за получение взятки на основе расширительного толкования правовой нормы, которая ранее применялась только к государственным служащим⁴.

Аналогичным образом ЕСПЧ высказал свою позицию и в отношении тех ситуаций, когда суд внезапно активизирует уголовно-правовую норму, ранее долгое время не применявшуюся. В постановлении от 25 июля 2013 г. по делу «Ходорковский и Лебедев против России» (жалобы № 11082/06 и 13772/05) Суд высказался вполне четко: «В некоторых обстоятельствах длительная терпимость в отношении определенного поведения, в иных обстоятельствах наказуемого в соответствии с уголовным законодательством, может привести, фактически, к декри-

⁴ Об этом см.: Харрис Д., О'Бойл М., Уоррик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016. С. 671—672.

минализации таких действий». Следовательно, если та или иная норма уголовного закона не применяется долго в силу осознанных и социально обоснованных факторов, то это фактически приводит к декриминализации деяния, порождает у человека твердое убеждение в том, что соответствующее поведение более не представляет общественной опасности и является допустимым. Непрогнозируемое, внезапное и избирательное применение такой «мертвой» нормы можно, исходя из логики Европейского суда, при надлежащих условиях рассматривать как нарушение правил действия закона, даже если соответствующий закон формально не был отменен.

Простое правило, на первый взгляд вполне понятно: прогнозируемые изменения судебной практики допустимы, непрогнозируемые, соответственно, — не допустимы. Вопрос только в том, что считать прогнозируемым изменением.

В свете обсуждаемых нами проблем вопрос можно поставить иначе: является ли прогнозируемым, а потому допустимым и не нарушающим принцип правовой определенности, не связанное с изменением уголовного закона изменение судебной практики, продиктованное участием суда в реализации тех или иных государственных стратегий и планов противодействия преступлениям?

Обсуждение этого вопроса непосредственно связано со вторым из выделенных обстоятельств — ролью суда в современном обществе. В теории уголовного права и уголовного процесса вопрос о беспристрастности и объективности суда, как правило, связан и одновременно ограничен тем, что суд не занимает чью-либо сторону при рассмотрении уголовного дела. Конституционный Суд РФ сформулировал эту мысль предельно четко: «Суд, осуществляющий судебную власть посредством уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства

по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром»⁵.

Это абсолютно точная и не вызывающая сомнений формула. Однако при обсуждении проблем, связанных с реализацией судом уголовной политики, она становится недостаточной и откровенно узкой, поскольку очевидно, что вопросы уголовной политики выходят далеко за пределы интересов стороны обвинения и стороны защиты по конкретному уголовному делу.

Мало инструментальной информации дает и обращение к общетеоретическим постулатам. Согласно традиционным представлениям о роли суда в государстве, признающем и практикующем доктрину разделения властей, суд независим и подчиняется только закону. Но при этом независимость трактуется как неподчиненность и неподотчетность суда органам представительной и исполнительной власти. Это тоже вполне понятный, но недостаточный для решения поставленных в настоящей публикации задач аспект проблемы.

При обсуждении проблематики роли суда в обществе в связи с реализацией уголовной политики надо поставить вопрос о независимости суда несколько иначе: на чьей стороне стоит суд в извечном конфликте «преступник — государство»?

Представляется, что, следуя логике независимости суда как органа, не зависящего от иных государственных структур и не зависящего в процессе от обвинения и защиты, суд должен в уголовно-правовом споре между преступником и государством стоять на страже интересов государства ровно в той мере, в

⁵ Постановление КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П.

какой подчинен, и задаче защиты прав и свобод человека. Можно сказать иначе: суд — особый орган государства, поставленный Конституцией как бы вне структуры государственной власти и защищающий только те ее интересы, которые строго соответствуют Основному закону страны.

Из этого вытекает крайне важное уголовно-политическое следствие, суть которого состоит в наличии права суда на собственную независимую оценку всех принимаемых государством решений в области борьбы с преступностью.

Речь идет как минимум о двух видах решений — нормативных и собственно политических.

Первый, самый наглядный, это нормативные решения, воплощенные в уголовном законе. Тезис о том, что суд не должен применять уголовно-правовые законы, которые входят в противоречие с Конституцией страны, общепринятыми принципами и нормами международного права, прежде всего в сфере прав человека, должен стать не просто общепринятым при всех рассуждениях о суде, но и каждодневно реализуемым на практике.

Самостоятельная оценка судом уголовного закона с точки зрения соответствия его нормативных предписаний идеалам справедливости — важнейший компонент правоприменения и функционирования суда как государственного института, реальное воплощение механизма «сдержек и противовесов» в правовом государстве, подлинное участие суда в реализации уголовной политики страны.

Совершенно понятно: «право на сомнение» есть весьма специфическое право, злоупотребление которым не менее опасно для правовой стабильности и определенности, чем отказ от реализации этого права для идеалов справедливости. Презумпция конституционности уголовного закона, принятого в надлежащей конституционной процедуре,

во многом обуславливает эксклюзивный (страховочный) характер судейского сомнения. Тем не менее самостоятельная оценка судом закона есть неотъемлемый компонент эффективного функционирования этого института в качестве независимого арбитра между государством и лицом, совершившим преступление. В существующих российских условиях создан и реально функционирует механизм реализации этого «права на сомнение».

Возвращаясь к проблеме оценки судом решений, которые государство принимает в области борьбы с преступностью, отметим второй из выделенных ранее типов — политические решения, те, что не воплощены в уголовном законе, но облачены в форму деклараций, программ, планов и т. д.

Как было показано, ряд актов судебного толкования, кардинально изменивших судебную практику, был инициирован именно такими политическими акциями и документами. В силу специфики этих политических документов их непосредственное применение в суде невозможно, равно как и невозможна процедура проверки их конституционности в Конституционном Суде. Но любой суд (от мирового до Верховного) наделен правом и имеет возможность прежде всего обсуждения этих документов и их независимой оценки, хотя бы по тому очевидному основанию, что судья — есть гражданин страны, принимающий участие в ее управлении посредством существующих демократических институтов и процедур. Известный тезис о том, что суд должен стоять вне политики, в данном случае не работает, ибо он совершенно о другой ситуации политизации суда. Следовательно, суд может иметь свои суждения относительно содержания и направлений разрабатываемой в стране уголовной политики. Хотя утвержденные политические документы и должны формировать профессиональное правосознание,

суд не должен слепо повиноваться уголовно-политическим директивам.

Отсюда следует вывод: изменение судебной практики в ответ на политические программы борьбы с преступностью не может быть прямым. Если эти программы не воплотились в трансформации уголовного закона, для суда они остаются лишь как фон, на котором он толкует и принимает действующий кодекс. Должен ли этот фон влиять на результат толкования — большой вопрос. И представляется, что ответ на него должен быть скорее отрицательным.

Суд должен откликаться на уголовно-политические программы только в случае, когда к этому под-

талкивает собственная эволюция судебной практики, когда накопившиеся правоприменительные проблемы и недостаточная эффективность сложившихся подходов к их разрешению требуют нового взгляда, который совпадает с идеями принятой уголовно-политической программы. Если же устоявшаяся практика меняется только потому, что суд чувствует себя обязанным участвовать в той или иной программе, реализуемой государством, это есть добровольное «втягивание» в политику, недопустимое для суда. В таком случае вопросы стабильности и правовой определенности должны оказывать довлеющее воздействие на процесс принятия и содержание судебных актов.

Библиографический список

Алаторцев А. Ю. Правовая определенность уголовно-правового запрета: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград, 2015.

Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2016.

References

Alatortsev A.Yu. Legal certainty of criminal law prohibition. Cand. diss. Moscow, 2018. 203 p. (In Russ.)

Dikarev I. S. The principle of legal certainty and the validity of a court decision in criminal proceedings. Volgograd, 2015. 173 p. (In Russ.)

Harris D., O'Boyle M., Warbrick K. Law of the European Convention on Human Rights. Moscow, 2016. 1432 p. (In Russ.)